

РОЛЬ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В ВОСПОЛНЕНИИ ПРОБЕЛОВ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ (ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ)

Епифанов Александр Егорович¹,

д-р юрид. наук, профессор,

e-mail: mvd_djaty@mail.ru

¹Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Москва, Россия

Статья посвящена исследованию судебной практики как одного из наиболее значимых инструментов преодоления пробелов в уголовном праве. Рассматриваются историко-правовые и теоретико-правовые основы института пробелов, их соотношение с аналогией закона и аналогией права, а также специфика судебного толкования в условиях необходимой реализации принципа законности. Особое внимание уделено историческим этапам формирования роли судебной практики в России – от дореволюционного периода толкования законов Сенатом до современной практики Конституционного и Верховного судов Российской Федерации. Анализируется влияние постановлений Пленума Верховного Суда РФ на восполнение пробелов в регулировании новых видов преступности, включая киберпреступления и экстремизм. Сделан вывод о двойственной природе судебной практики в уголовном праве: с одной стороны, она обеспечивает правовую определенность и восполнение законодательных лакун, с другой – порождает риски «судебного правотворчества» и размывания принципа законности.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: уголовное право, пробел в праве, судебная практика, аналогия закона, аналогия права, Верховный Суд РФ, Конституционный Суд РФ, судебное толкование

THE ROLE OF JUDICIAL PRACTICE IN FILLING GAPS IN CRIMINAL LAW (ISSUES OF THEORY AND HISTORY)

Yepifanov A.E.¹,

Doctor of Legal Sciences, Professor,

e-mail: mvd_djaty@mail.ru

¹Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow, Russia

The article is devoted to the study of judicial practice as one of the most significant instruments for overcoming gaps in criminal law. Theoretical and legal foundations of legal gaps, their correlation with the analogy of statute and the analogy of law, as well as the specifics of judicial interpretation in the context of the principle of legality are considered. Particular attention is paid to the historical stages of the forming of the role of judicial practice in Russia — from the pre-revolutionary interpretation of laws by the Senate to the modern practice of the Constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation. The impact of the Supreme Court Plenum resolutions on filling gaps in the regulation of new types of crime, including cybercrime and extremism, is analyzed. It is concluded that judicial practice in criminal law has a dual nature: on the one hand, it ensures legal certainty and fills legislative lacunae, and on the other hand, it entails the risks of “judicial law-making” and blurring of the principle of legality.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: criminal law; gap in law; judicial practice; analogy of statute; analogy of law; Supreme Court of the Russian Federation; Constitutional Court of the Russian Federation; judicial interpretation

Пробел в уголовном праве традиционно определяется как отсутствие необходимой уголовно-правовой нормы при наличии общественного отношения, требующего регулирования. В отличие от коллизии, когда речь идет о противоречии между нормами, пробел означает пустоту в системе права. Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что уголовное законодательство должно обеспечивать должную определенность, позволяющую каждому субъекту предвидеть последствия своих действий [1, с. 7].

В современном российском праве базовым ориентиром выступает принцип законности, закрепленный в ст. 3 УК РФ¹ и в ст. 54 Конституции РФ². Согласно указанным положениям, никто не может нести уголовную ответственность за деяние, которое на момент его совершения не признавалось преступлением. Запрещается применение закона по аналогии, что прямо отражено в ч. 2 ст. 3 УК РФ. Таким образом, восполнение пробелов не может происходить путем создания новых составов преступлений или расширительного толкования в ущерб лицу, привлекаемому к ответственности.

На доктринальном уровне проблема пробелов в уголовном праве активно разрабатывалась до-революционными и современными исследователями. Н.С. Таганцев отмечал, что пробелы в уголовном праве неизбежны, однако они должны устраняться исключительно через законодательное обновление, а не через судебное усмотрение [2, с. 67]. Современная наука также указывает на ограниченность судебного усмотрения в условиях действия принципа законности [3, с. 35].

Тем не менее судебная практика фактически выступает инструментом восполнения пробелов [4, с. 140]. Постановления Пленума Верховного Суда РФ, хотя и не имеют формально нормативного характера, обладают обязательной силой для нижестоящих судов (ст. 126 Конституции РФ; ст. 2 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»³).

Верховный Суд РФ, давая разъяснения по вопросам судебной практики, конкретизирует содержание норм уголовного права и устраняет неопределенность, которая фактически является проявлением пробела [5, с. 22].

Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами и психотропными веществами» разъясняются вопросы квалификации действий по ст. 228–234 УК РФ⁴. В отсутствие четкой законодательной регламентации критериев разграничения «значительного», «крупного» и «особо крупного» размера наркотиков именно судебная практика обеспечивает правовую определенность, восполняя соответствующий пробел в законе.

Аналогичный пример – Постановление Пленума ВС РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»⁵. В нем разъяснены такие ключевые категории, как «экстремистские материалы», «возбуждение ненависти либо вражды», что устраняет неопределенность в их толковании и снижает риск произвольного применения.

Конституционный Суд РФ занимает последовательную позицию, согласно которой толкование уголовного закона допустимо лишь постольку, поскольку оно не приводит к расширению его действия и не ухудшает положение лица. Данный подход был закреплён ещё в Постановлении от 11 ноября 1997 г. № 16-П, где Суд подчеркнул, что принцип законности в уголовном праве предполагает необходимость строгого следования букве закона и исключает возможность произвольного или расширительного истолкования, способного повлечь негативные последствия для обвиняемого⁶.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.

² Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.10.2022).

³ О Верховном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) // Российская газета. – 07.02.2014. – № 27.

⁴ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) // Российская газета. – 28.06.2006. – № 137.

⁵ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) // Российская газета. – 04.07.2011. – № 142.

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.11.1997 № 16-П // СЗ РФ. – 1997. – № 46. – Ст. 5339.

Эта правовая позиция получила подтверждение и в последующей практике. Так, в Определении от 4 апреля 2017 г. № 716-О Конституционный Суд указал, что законодательные нормы должны быть сформулированы достаточно определённо, чтобы их применение не порождало неопределённости и не допускало расширительного толкования, нарушающего конституционные гарантии прав личности⁷.

Таким образом, на теоретико-правовом уровне судебная практика выполняет двойственную функцию [6, с. 42]. С одной стороны, она выступает необходимым инструментом восполнения пробелов в целях обеспечения правовой определённости и единообразия правоприменения [7, с. 33]. С другой стороны, чрезмерная активность суда в данной сфере чревата риском «судебного правотворчества», что противоречит принципу разделения властей и конституционному запрету аналогии в уголовном праве [8, с. 131].

Понимание судебной практики как средства восполнения пробелов в уголовном праве в России складывалось постепенно и тесно связано с общей эволюцией принципа законности [9, с. 36]. Уже в дореволюционный период ученые отмечали, что отсутствие конкретной нормы закона нередко компенсировалось судебным толкованием. Как указывал Н.С. Таганцев: «Не может быть и речи о произвольном усмотрении суда, но именно судебное толкование наполняет уголовный закон содержанием в тех случаях, когда законодатель умолчал» [2, с. 69].

В Российской империи важнейшую роль в этом процессе играл Правительствующий Сенат. Согласно ст. 46 Учреждения Сената 1711 г. и последующим положениям законодательства, Сенат являлся высшим судебным органом, а его решения в порядке кассации и надзора имели обязательное значение для нижестоящих судов. Хотя формально судебный прецедент не был признан источником права, именно разъяснения Сената восполняли пробелы, возникавшие в применении Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и других актов. Сенатские решения широко публиковались, что позволяло формировать относительно единообразную практику.

После Октябрьской революции и установления советской власти подход к судебной практике изменился. В условиях доминирования принципа социалистической законности формально отрицалась любая возможность судебного правотворчества. В ст. 3 УК РСФСР 1926 г. прямо закреплялось, что «применение уголовного закона по аналогии не допускается». Однако фактически в 1920–1930-е гг. суды и органы прокуратуры продолжали использовать аналогию и толкование для восполнения пробелов, особенно в условиях стремительной криминализации новых сфер общественных отношений. Примером является практика применения законодательства о контрреволюционных преступлениях (ст. 58 УК РСФСР 1926 г.), когда отсутствие четких дефиниций компенсировалось расширительным судебным толкованием [10, с. 36].

В дальнейшем, начиная с периода «оттепели», судебная практика вновь приобрела большее значение, однако её влияние ограничивалось рамками подзаконных разъяснений. Пленум Верховного Суда СССР издавал постановления, которые имели обязательный характер для судов. Эти акты, хотя и не признавались официальным источником уголовного права, фактически выполняли ту же функцию, что и сенатские толкования в дореволюционный период, – восполняли пробелы и уточняли содержание норм.

После принятия Конституции Российской Федерации 1993 г. и УК РФ 1996 г. роль судебной практики в уголовном праве существенно изменилась. Согласно ст. 126 Конституции РФ Верховный Суд является высшим судебным органом по уголовным делам, обеспечивающим единообразное толкование законодательства. Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» прямо закрепил обязанность Верховного Суда давать разъяснения по вопросам судебной практики (ст. 5)⁸. Таким образом, судебная практика приобрела институционализованный характер.

Конституционный Суд РФ неоднократно выступал гарантом законности в сфере преодоления пробелов [11, с. 102]. В Определении от 4 апреля 2017 г. № 716-О КС РФ по жалобе гражданина Буданова Андрея Васильевича Суд подтвердил, что закон должен быть чётко сформулирован: примене-

⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 04.04.2017 № 716-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru>.

⁸ О Верховном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) // Российская газета. – 07.02.2014. – № 27.

ние закона при отсутствии чёткости нормативной нормы недопустимо, поскольку нарушается принцип правовой определённости⁹.

Таким образом, эволюция российского права показывает закономерность: при официальном отрицании судебного правотворчества судебная практика всегда выполняла функцию восполнения пробелов. Сенат в дореволюционный период, Верховный Суд СССР в советский период и Верховный Суд РФ в современную эпоху фактически обеспечивали преодоление законодательных лакун. Если в XIX веке это было связано с недостаточной кодификацией, то в XXI веке судебная практика компенсирует сложности, связанные с новыми формами преступности – киберпреступлениями, экстремизмом, терроризмом.

Такое развитие позволяет говорить о преемственности в российской традиции: судебная практика, хотя и не закреплена в качестве источника уголовного права, выполняет компенсаторную функцию и становится необходимым элементом правовой системы.

Если говорить о современном этапе развития уголовного права России, то оно характеризуется активным вовлечением судебной практики в решение проблемы пробелов законодательства. Несмотря на закреплённый в ч. 2 ст. 3 Уголовного кодекса Российской Федерации запрет применения уголовного закона по аналогии, именно деятельность Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ стала ключевым компенсаторным механизмом, обеспечивающим правовую определённость и предсказуемость применения закона [12, с. 219].

Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что восполнение пробелов в уголовном праве возможно только при условии строгого соблюдения конституционных принципов законности и недопустимости ухудшения положения лица [13, с. 119].

Особая роль в преодолении пробелов принадлежит Верховному Суду РФ, полномочия которого закреплены в ст. 126 Конституции Российской Федерации и ст. 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»¹⁰. Верховный Суд через постановления Пленума обеспечивает единообразное применение уголовного закона, устраняет неопределённость и формирует правовые ориентиры для нижестоящих судов. Несмотря на то, что такие акты формально не имеют нормативного характера, их обязательность для судов придаёт им фактическую силу источника права.

Таким образом, судебная практика в современной России выполняет важную компенсаторную функцию. Она обеспечивает единообразие применения закона, восполняет неопределённость в оценочных категориях и снижает риск произвольного усмотрения органов предварительного расследования и судов первой инстанции. В то же время в юридической науке сохраняется дискуссия о допустимости такого положения. А.И. Рарог справедливо указывает, что постановления Пленума Верховного Суда фактически обладают нормативным характером, хотя формально не являются законом, что ставит под сомнение их соответствие принципу разделения властей [14, с. 42].

Следовательно, судебная практика в уголовном праве России занимает промежуточное положение между традиционным толкованием и фактическим источником права. Она не создает новых норм, но восполняет пробелы в действующем законодательстве, формируя правовую определённость и обеспечивая предсказуемость применения уголовного закона.

Исследование роли судебной практики в восполнении пробелов в уголовном праве позволяет сделать несколько обобщающих выводов. Российская правовая система традиционно формально включает возможность судебного правотворчества в уголовно-правовой сфере, закрепляя в ч. 2 ст. 3 УК РФ прямой запрет применения закона по аналогии и подтверждая этот принцип в ст. 54 Конституции РФ. Однако фактическое развитие судебной практики показывает, что Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ неизбежно выступают компенсаторными механизмами, обеспечивающими правовую определённость, конкретизацию оценочных категорий и единообразие применения норм уголовного законодательства.

⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 04.04.2017 № 716-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru>.

¹⁰ О Верховном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) // Российская газета. – 07.02.2014. – № 27.

Анализ дореволюционного, советского и современного этапов развития демонстрирует устойчивую преемственность: судебные органы, будь то Сенат, Пленум Верховного Суда СССР или Верховный Суд РФ, в условиях законодательных лагун всегда брали на себя функцию устранения неопределённости. В современную эпоху это особенно значимо в связи с появлением новых форм преступности – киберпреступлений, экстремизма, терроризма, где законодатель нередко отстаёт от динамики общественных процессов.

Таким образом, судебная практика в уголовном праве России обладает двойственной природой. С одной стороны, она выступает необходимым инструментом восполнения пробелов, повышает предсказуемость правоприменения и укрепляет принцип правовой определённости. С другой стороны, чрезмерная активность судебных органов в толковании норм несёт риск подмены законодательной функции и размывания принципа законности. Научная новизна исследования заключается в выявлении этой противоречивой природы судебной практики и в акценте на необходимости баланса между допустимым судебным толкованием и недопустимым судебным правотворчеством.

Практическая значимость работы состоит в том, что её выводы могут быть использованы при дальнейшем совершенствовании уголовного законодательства, а также при разработке доктрины пробелов в праве, которая позволит разграничить пределы судебного усмотрения и тем самым укрепить правовую определённую в уголовно-правовой системе.

Список литературы

1. *Честнов И.Л.* Пробелы в праве как разновидность неопределённости права: постклассическая интерпретация // Пробелы в праве в условиях цифровизации: сб. научных трудов. – Москва: Инфотропик Медиа, 2022. – С. 2–20.
2. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. – Т. 1. – Санкт-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1902. – 815 с.
3. *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Общая часть: учебник. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: Инфра-М, 2022. – 816 с.
4. *Шахкелдов Ф.Г.* Презумпция невиновности в уголовном процессе: теория и практика. – Краснодар: Кубанькино, 2005. – С. 138–143.
5. *Епифанов А.Е.* Презумпция невиновности в ракурсе мировых процессов по обеспечению прав человека // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2014. – №1. – С. 20–25.
6. *Епифанов А.Е., Панченко А.В.* Правовая природа механизма обеспечения личной безопасности граждан // Новая правовая мысль. – 2010. – № 4 (41). – С. 39–46.
7. *Епифанов А.Е., Мохов А.Ю.* Стадии деформации профессионального правосознания сотрудников правоохранительных органов (на примере правосознания следователя) // Право и практика. – 2021. – № 4. – С. 30–35.
8. *Гуйван А.В.* Аналогия права и аналогия закона как способ преодоления пробелов в праве // Научные исследования студентов и учащихся: сб. статей IX Международной научно-практической конференции, Пенза, 27 апреля 2023 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. – С. 130–134.
9. *Шахкелдов Ф.Г.* Суд присяжных – необходимая реальность // Российский судья. – 1999. – № 3. – С. 35–40.
10. *Алиев М.А.* Пробелы в уголовном праве и способы их преодоления (Отдельные аспекты) / М.А. Алиев, Ш.А. Алиев, А.П. Чунихин // Студенческий форум. – 2022. – № 22-4 (201). – С. 36–38.
11. *Епифанов А.Е., Кдлян Е.Л.* Теоретические аспекты воздействия законности на правовое поведение личности: научная монография. – Москва: Юрлитинформ, 2015. – 208 с.
12. *Кутин Р.К.* Аналогия права как метод преодоления пробелов в уголовном праве // Молодой ученый. – 2021. – № 21(363). – С. 219–221.
13. *Аниськина Э.Г.* Пробелы как форма дискретности уголовного законодательства и пути их преодоления // Проблемы в праве и пути их устранения: материалы международной научно-практической конференции преподавателей, студентов, магистрантов и аспирантов, Смоленск, 10 декабря 2021 года. – Смоленск: Свиток, 2021. – С. 119–124.
14. *Рарог А.И.* Уголовное право России. Общая часть. – Москва: Проспект, 2020. – 944 с.

References

1. *Chestnov I.L.* Gaps in law as a kind of uncertainty of law: postclassic interpretation // Gaps in law in the context of digitalization: Collection of scientific works. – Moscow: Infotropic Media, 2022. – Pp. 2–20.
2. *Tagantsev N.S.* Russian criminal law. Lectures. Part general. – Vol. 1. – St. Petersburg: Type. M.M. Stasyulevich, 1902. – 815 p.
3. *Naumov A.V.* Russian criminal law. General part: textbook. 7th ed., Revised and add. – Moscow: Norm: Infra-M, 2022. – 816 pp.
4. *Shahkeldov F.G.* Presumption of innocence in criminal proceedings: theory and practice. – Krasnodar: Kubankino, 2005. – Pp. 138–143.
5. *Epifanov A.E.* Presumption of innocence in the perspective of world processes to ensure human rights // Legal Bulletin of Dagestan State University. – 2014. – №1. – Pp. 20–25.
6. *Epifanov A.E., Panchenko A.V.* The legal nature of the mechanism for ensuring the personal safety of citizens // New legal thought. – 2010. – № 4 (41). – Pp. 39–46.
7. *Epifanov A.E., Mokhov A.Yu.* Stages of deformation of professional legal awareness of law enforcement officers (on the example of legal awareness of the investigator) // Law and practice. – 2021. – № 4. – Pp. 30–35.
8. *Guiwan A.V.* Analogy of law and analogy of law as a way to overcome gaps in law // Scientific research of students and students: collection of articles IX of the International Scientific and Practical Conference, Penza, April 27, 2023. – Penza: Science and Enlightenment (IP Gulyaev G.Yu.), 2023. – Pp. 130–134.
9. *Shahkeldov F.G.* Jury trial is a necessary reality // Russian judge. – 1999. – № 3. – Pp. 35–40.
10. *Aliyev M.A.* Gaps in criminal law and ways to overcome them (Certain aspects) / M.A. Aliyev, Sh. A. Aliyev, A.P. Chunikhin // Student Forum. – 2022. – № 22-4 (201). – Pp. 36–38.
11. *Epifanov A.E., Kdlyan E.L.* Theoretical aspects of the impact of legality on the legal behavior of a person: Scientific monograph. – Moscow: Yurlitinform, 2015. – 208 p.
12. *Kutin R.K.* Analogy of law as a method of overcoming gaps in criminal law // Young scientist. – 2021. – № 21(363). – Pp. 219–221.
13. *Aniskina E.G.* Gaps as a form of discreteness of criminal legislation and ways to overcome them // Problems in law and ways to eliminate them: materials of the international scientific and practical conference of teachers, students, undergraduates and graduate students, Smolensk, December 10, 2021. – Smolensk: Scroll, 2021. – Pp. 119–124.
14. *Rarog A.I.* Criminal law of Russia. General part. – Moscow: Prospect, 2020. – 944 p.

Статья поступила в редакцию: 27.10.2025

Received: 27.10.2025

Статья принята к публикации: 28.11.2025

Accepted: 28.11.2025